

Печатается по постановлению Ученого совета ИВР РАН

**Пятые востоковедные чтения
памяти О. О. Розенберга**

Труды участников научной конференции

Составители:

Т. В. Ермакова, Е. П. Островская

Научный редактор и автор предисловия:

М. И. Воробьева-Десятовская

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. Е. И. Кычанов

доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

© Институт восточных рукописей РАН, 2012

© Авторы публикаций, 2012

М.М. Березовский

О некоторых вопросах археологической съемки в условиях Китайского Туркестана

Предисловие и публикация М.И. Воробьевой-Десятовской¹

Публикуемая впервые статья выдающегося исследователя Центральной Азии Михаила Михайловича Березовского (1848–1912) суммирует практический опыт его археологических изысканий в оазисах Восточного (Китайского) Туркестана — Турфане и Карашаре, где в 1902–1908 гг. он изучал реликты буддийской цивилизации I тыс. н.э. Рукопись статьи (автограф М.М. Березовского) хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 59. Оп. 1, ед. хр. 27. Рукопись, 19 л.). В ней не имеется резюмирующего заключения и отсутствуют какие-либо пометки, указывающие на дату написания статьи. Допустимо предположить, что работа над статьей не была завершена. Данная статья вызывает историко-научный интерес в нескольких аспектах. Во-первых, она дает представление о степени сохранности буддийских археологических объектов Турфана и Карашара в 1890-х гг. и тех проблемах, которые приходилось решать М.М. Березовскому ввиду недостаточной географической изученности обследуемых территорий. Во-вторых, именно в ней М.М. Березовским были сформулированы технологические принципы адекватной фиксации археологических объектов, обнаруженных в Восточном Туркестане, и это составляло приоритет отечественной археологической школы того времени. И наконец, в-третьих, статья знакомит с деятельностью М.М. Березовского как археолога и географа.

Ключевые слова: буддизм, археология Центральной Азии, Восточный Туркестан, Турфан, Карашар, М.М. Березовский как археолог.

Михаил Михайлович Березовский (1848–1912) окончил биологический факультет Санкт-Петербургского Университета как зоолог. На почве интереса к идеям «сибирского областничества»² он сблизился с крупным ученым и путешественником Г.Н. Потаниным. Начиная с 1876 г. М.М. Березовский принимал

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 10-01-00252а «История изучения буддизма в материалах и документах 1900–1920-х гг. Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН».

² Общественное движение, объединившее в своих рядах ученых и предпринимателей. Целью «сибирского областничества» выступало экономическое и культурное развитие Восточной Сибири. Местное купечество охотно участвовало в финансировании научных экспедиций.

участие в экспедициях Г.Н. Потанина в Монголию, Восточный Туркестан, Северо-Западный Китай и на практике освоил методы археологического исследования. Он участвовал в 14 экспедициях, сначала как зоолог и ботаник, а с 1902 по 1908 гг. — как географ-этнограф и археолог, одновременно выступая в роли руководителя экспедиционных отрядов. Наибольшие результаты для пополнения фондов Азиатского музея принесла его экспедиция в Кучу в 1905—1908 гг.

Березовский значительно обогатил коллекции академического Зоологического музея. Для Ботанического сада им были составлены описания центрально-азиатской флоры. Он также внес серьезный вклад в картографирование Сибири. В дневники своих путешествий М.М. Березовский заносил списки тех представителей животного мира, которые встречались на его пути. Научная ценность этих списков состоит в латинской идентификации видов азиатской фауны и пернатых.

О деятельности этого видного русского ученого до сих пор мало известно в истории науки. Даже некролог Березовскому, написанный академиком С.Ф. Ольденбургом, остался неопубликованным.

В Архиве востоковедов ИВР РАН в персональном фонде № 59 хранится лишь небольшая часть неопубликованного научного наследия М.М. Березовского. Материалы, характеризующие его экспедиционную работу в качестве этнографа и географа, в основном были переданы в Музей антропологии и этнографии («Кунсткамера») им. Петра Великого РАН, а те, что касаются художественной культуры Центральной Азии I тыс. н.э., отошли в 1934 г. в ведение отдела Востока Государственного Эрмитажа. Некоторые материалы М.М. Березовского — кальки, карты и планы экспедиций были обнаружены среди бумаг С.Ф. Ольденбурга в 1941 г. и поступили в Эрмитаж.

В фонде № 59 Архива востоковедов ИВР РАН осталось несколько неопубликованных работ М.М. Березовского. Две крупные статьи посвящены животному и растительному миру Северо-Западного Китая, который он обследовал в течение нескольких лет. Немалый интерес представляет и его статья о Шанхайской обсерватории.

В этом же фонде хранится публикуемая ниже статья М.М. Березовского «О некоторых вопросах археологической съемки применительно к условиям Китайского Туркестана» (Опись 1, ед.хр. 27). В тот период, когда ученый работал в Восточном (Китайском) Туркестане, никто из западных и российских археологов не осуществлял должным образом археологическую разведку в этом регионе. В ситуации международной политической напряженности, характерной для Центральной Азии того времени, в трудных природно-климатических условиях изыскатели, как правило, производили лишь небольшие раскопы, собирали легкодоступные артефакты, не составляли географических и топографических карт обследованных районов. М.М. Березовский, учитывая эти недоработки, стремился поделиться своим богатым опытом с коллегами. Но, к сожалению, его статья так и не вышла в свет.

Конечно, ныне в аспекте технологии археологических изысканий статья Березовского устарела, но ее публикация позволяет показать тот факт, что именно российские ученые заложили основы археологии Центральной Азии.

Ниже публикуется текст статьи М.М. Березовского, выправленный нами в соответствии с современными нормами орфографии и синтаксиса.

Публикация

Мне удалось познакомиться с древностями только двух оазисов Туркестана — Турфана и Карашара. Но я думаю, что как сохранность древностей, так и условия археологической съемки мало чем отличаются от тех, при которых мне пришлось работать. И поэтому смею думать, что мой опыт, мысли и наблюдения в этой области будут интересны всем, кто интересуется преподаванием древностей этой громадной и мало доступной страны. Хотелось бы, чтобы более тщательно были обдуманы и выработаны тематические планы и наиболее простые способы их выполнения: этим сбереглось бы много денег и сил.

Первое, с чем имеешь дело при исследовании Китайского Туркестана, — это с картой в 40 верст в дюйме, изданной нашим Генеральным Штабом, составленной по маршрутным съемкам разных путешественников. Достоинства этой карты прежде всего зависят от тех путешественников, по указаниям которых нанесен данный участок. По этой карте в очень редких случаях можно ориентироваться на местности: много возвышенностей не нанесено вовсе, нанесенные возвышенности часто оказываются не на месте, расстояния нередко или сильно преувеличены или приуменьшены. Очень редко можно быть уверенным в точности их указаний. Таким образом, даже для общей и поверхностной ориентировки эта карта в большинстве случаев оказывается мало пригодной. Кроме того, 40 верст в дюйме — слишком мелкий масштаб для целей археологических изысканий. Древние постройки в Китайском Туркестане очень мелки, нередко разбросаны без всякой системы по причудливым ущельям, и в квадратном дюйме при таком масштабе могут уместиться чуть ли не десятки таких ущелий. А увеличивать эту карту, не рискуя получить немало неприятностей, невозможно.

Д.А. Клеменц попробовал избрать компромисс: он взял карту того же происхождения, довел ее до необходимого масштаба и на глаз исправил и дополнил ее. Но эта попытка едва ли удачна. И в его карте — та же произвольность глазомерной съемки, та же случайность в нанесении возвышенностей и такая же малая изобразительность для целей археологических. По его карте очень затруднительно судить об истинном рельефе местности, а наносить на нее неотмеченные древние постройки — труд почти совершенно бессмысленный вследствие малого соотношения такой карты с действительностью. Идти дальше в этом направлении совершенно нельзя.

Между тем без точной и ясной ориентированной карты систематическое изучение древностей мне кажется невероятным: тогда все описания будут целиком

зависеть от случайного внимания или интереса к той или иной группе древностей. Связное изучение целого района будет в необыкновенной степени затруднено. Будут непонятны соотношения между собой разных групп древностей. Стало быть, прежде всего, настоятельно необходима ориентирная карта с горизонталями.

Величина зданий такова, что даже при масштабе 50 верст в дюйме большая часть их превращается в маловразумительные точки и квадратики. Очевидно, на ориентирной карте, где масштаб будет несравненно мельче, их при всяком масштабе трудно изобразить точками. Комплексные постройки очень редко представляют одно целое, и их тогда все равно придется изобразить рядом точек. Исключение из этого представляют города и монастыри, обнесенные стеной. Но города и монастыри, как увидим ниже, почти всегда допускают возможность очень подробных археологических планов, а потому в археологической карте не передаются. Стало быть, выбирая масштаб для ориентирной карты, придется руководствоваться исключительно условиями местности.

В Китайском Туркестане очень часто приходится иметь дело с ущельями, вырытыми водой в толще лёсса. Такие ущелья очень узки, с отвесными стенками, и направлены иногда самым причудливым образом. В ущельях нередко древние постройки и потому они нуждаются в достаточно подробном изображении. Приняв в среднем ширину ущелья около 50 сажень и длину изображения на плане 1/40 дюйма, имеем масштаб $50 \times 40 = 2000$ сажень $= 4$ версты (в дюймах). Более мелкий масштаб повел бы к тому, что оба берега ущелья могли бы слиться, и тогда для изображения построек, находящихся по ту и другую сторону ущелья, пришлось бы употреблять какие-нибудь условные знаки, что едва ли повело бы к целям ясной и простой ориентировки. Например, для турфанского оазиса, приняв длину полосы, интересной в археологическом отношении, в 80 верст (Яр-Лемджин), имеем при большом масштабе карту в 20 дюймов длиной, практически величина очень удобная.

Приступив к остальной археологической работе, очень быстро чувствуешь потребность в общем и достаточно подробном плане больших комплексов, представляющих обычно большие поселения или даже города. К таким большим комплексам принадлежат Яр (город на острове лёсса), Идикут-шари, Безеклик, Шикшин и др. Такие планы больших комплексов не только необходимы в качестве иллюстраций общего вида, но без них уже невозможна никакая научная работа, так сказать, в черте этого комплекса. Например, Г. Грюнведель в отчете о первой его экспедиции был очень далек от обобщающего описания Идикут-шари, останавливался и работал исключительно над частностями, однако он счел совершенно необходимым поместить в своей книге общий план Идикут-шари (скорее, рисунок общего расположения). Он сам, вероятно, очень хорошо знал, как сильно отличается его набросок от руки от действительности, но именно этот набросок дал ему возможность установить хоть какую-нибудь номенклатуру зданий и хоть какой-нибудь порядок в их описании. Работая в Идикут-шари, мы тоже все время пользовались этим наброском общего расположения зданий.

И, разумеется, была большая потребность в таком плане и она будет необходима при систематическом и исчерпывающем предмете описания.

Но возможны ли такие планы? На основании полученного опыта, мне кажется, несомненно нужно ответить утвердительно. Мы имеем такие планы Шикшина и Безеклика. Кроме того, эскизы отдельных зданий Идикут-шари, Яра, Туюк-Мазара и т.д. показывают такую сохранность построек, при которой можно иметь такую большую точность, как одно-два строения иногда на пространстве десятка саженей.

Разумеется, что археологические планы никогда не достигнут полноты планов современных построек, но ведь этого от них никто не станет и требовать. Археолог удовлетворится самым общим планом даже небольшой части сложного комплекса, между тем как в большинстве случаев, несомненно, что общий план должен выразить не масштабную, а большую часть комплекса. Так было у нас в Шикшине, Безеклике, Идикут-шари, Яре и других местах. Почти всегда в таком большом комплексе некоторые здания без раскопок не допускают точного изображения. Планы других зданий часто открываются и редактируются после раскопок, они могут принять совершенно иной вид. Всё это говорит лишь о том, что после раскопок такой общий археологический план нуждается в дополнении; имеющаяся на плане часть здания составит часть и остальных блоков, если они определены раскопками. Таким образом, раскопки приведут к дополнению и лишь в редких случаях исправлению общего плана.

Теперь возникает вопрос: когда выгоднее делать такой археологический план — до или после раскопок данного комплекса? Необходимо заметить, что едва ли есть надежда произвести все необходимые раскопки в каком-либо большом комплексе (например, в Яре, Идикут-шари и т. д.), а потому едва ли возможно получить общий законченный план в сравнительно короткое время. Стало быть, иметь общий план намного раньше или немного позже — принципиального значения иметь не может. План, сделанный до раскопок, дает возможность: 1) сделать правильную номенклатуру зданий, что имеет чрезвычайно большое значение при объединении комплекса; 2) получить основу и систему для всякого рода предварительных работ перед раскопками с помощью описания, фотографирования и т. д.; 3) дать систематическое изображение входа в здание и направления раскопок.

Очевидно, именно с таких планов необходимо начать нужное изучение сложных комплексов. Масштаб для таких планов лучше брать 10 саженей в 1 дюйме. Есть здания (имеются в виду маленькие вихары), весь план которых заключает не больше 2 квадратных саженей. Изображение таких вихар даже в масштабе 25 саженей в 1 дюйме очень мало вразумительно. Мой опыт в этом отношении несколько раз показывал всю непригодность более мелкого масштаба, чем 10 саженей в 1 дюйме. Понятно, что при таком крупном масштабе изображение большого комплекса (например, Идикут-шари имеет около 2 верст длины и около 1,5 версты в ширину) потребуются много листов, и план будет громоздким.

Но эта беда в чисто археологическом плане не так уж велика, а удобства этого плана очень существенны. Для съёмщика эта громадность плана при таком крупном масштабе, судя по моему опыту, составит мало затруднений.

При детальном описании отдельных зданий ограничиться таким общим археологическим планом невозможно: необходимо иметь эскизы отдельных зданий в гораздо более крупном масштабе, чем 10 саженей в 1 дюйме. Такие же эскизы необходимы и для всех зданий, как увидим ниже, и по чисто техническим условиям выполнения общего археологического плана. Аналогичные эскизы рисунка зданий были помещены в книгах Грюнвелеля и Клеменца. Такие рисунки планов страдают существенными недостатками: в них нет точности планов и наглядности рисунков; например, прямые линии проводятся по линейкам, но по точному плану они вводят в заблуждение и дают фальшивое представление о настоящих планах.

По некоторым практическим соображениям съёмка масштабов для таких эскизов мною была взята 1 сажень в 1 сантиметре. Это давало возможность чертить эскизы на простой миллиметровой бумаге. Такой масштаб достаточно крупен для наглядности и достаточно мелок для удобства съёмки: громадное большинство зданий свободно умещается на листе из миллиметровой бумаги среднего размера и лишь очень большие сравнительно здания (как, например, большие монастыри Идикут-шари и Яра), требуют миллиметровой бумаги большого размера. Там, разумеется, надо брать и высоту, и разрезы зданий.

Эскизы еще более детальные требуются или архитектурные, или специально археологические. Для подробного описания живописи какой-нибудь стены здания может потребоваться план этой стены в очень большом масштабе, но такие эскизы необходимо поручать специалисту-съёмщику³.

О чисто архитектурных эскизах построек Китайского Туркестана необходимо сказать следующее: если в археологических жанрах важна точность съёмки совершенно независимо от правильности и, так сказать, «закономерности» постройки, то в архитектурных эскизах точность не всегда может повести к цели. Например, уродливо сделанная и совершенно неправильная в архитектурном смысле пещера может быть верна в археологическом отношении. Судя по моим наблюдениям и пробным промерам, «закономерности» в постройках Китайского Туркестана не замечается. Это зависит как от материала построек (глинобитная

³ Березовского обычно сопровождал его родственник Николай Матвеевич Березовский, архитектор и художник. В Государственном Эрмитаже хранятся кальки на миллиметровке, сделанные с фрагментов настенных рисунков. Рисунки реставрированы. Полностью восстановить их сюжеты не удалось. Они раскрашены в 2008 г., но насколько эта раскраска отражает действительный цвет, неясно. Фрагменты были представлены на выставке, посвященной 190-летию Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН. В этой уникальной временной экспозиции, размещавшейся в залах Государственного Эрмитажа, были объединены образцы рукописного наследия и художественной культуры, характеризующие буддийскую цивилизацию I тыс. н.э. на территории Восточного Туркестана.

или из кирпича и необожженной глины с рубленой соломой), так и от способов постройки зданий. Радиусы сводов, например, колеблются в самых широких пределах, причем нередко свод с одного бока более крутой, чем с другого. Если отобразить очень точно отношение верхних сводов к широким перекрытиям и взять среднее арифметическое при этих отношениях, понятно, получится известный результат, но он будет отличаться от правильного, как и вся попытка вычисления.

Гораздо более поучительно, с моей точки зрения, понять способы кладки сводов в зависимости от материала и уровня технических навыков строителей и отсюда уже вывести неравномерное отношение радиуса свода к ширине строящегося помещения. Для этого большей цели можно добиться с помощью архитектурных рисунков. Чтобы проверить эти мои соображения, лучше всего специально для этого произвести пробные промеры.

Резюмируя все сказанное, приводим в заключение, что съёмщику необходимо сделать три типа планов:

- 1) ориентировочную карту масштабом 4 версты в 1 дюйме;
- 2) общий археологический план масштабом 10 сажень в 1 дюйме;
- 3) археологический эскиз в 1 сажень в 1 см.

Точность и удобство съёмки целиком зависит от тех инструментов, с которыми мы имеем дело при съёмке. Эскизы удобнее всего чертить с помощью миллиметровой бумаги и линейки, а измерения производить — с помощью рулетки и компаса для точного обозначения направлений стен относительно стран света. При выбранном нами масштабе производить отсчеты при полевых работах по рулетке с точностью 0,05 см представляется приличным: на миллиметровой бумаге провести линию с точностью, большей 0,5 миллиметра, почти совсем невозможно. При отсчетах на плане на миллиметровой бумаге приходится иметь в виду следующее:

- 1) углы найти очень редко бывает точно, и возможны отклонения в ту или в другую сторону от 90° ;
- 2) длина противоположных стен редко бывает одинаковой (в условиях измерения рулеткой);
- 3) толщина стен одной и той же постройки иногда варьирует в очень широких пределах;
- 4) толщина штукатурки на стенах бывает очень разнообразной.

Длина противоположных стен, насколько мне пришлось наблюдать, отклоняется от нормы незначительно. Условие третье приобретает важное значение при плохой сохранности постройки, когда толщину постройки нельзя измерить непосредственно (от внутренней штукатурки до внешней штукатурки или можно измерить, выделив какой-нибудь отрезок постройки). В первом случае толщину стены приходится обозначать условно, во втором случае приходится принять толщину стен для всей постройки одинаковой или часть стен обозначить тоже условно. Это зависит от разных соображений, очевидность которых нетрудно

подтвердить на месте. Кроме того, при плохой сохранности стены большое значение имеет материал: кирпичная она была или глинобитная. При кирпичной стене иногда удается восстановить толщину стены, имея в виду величину кирпичей и след разрушения. При глинобитных стенах постройки восстановление толщины разрушенной стены гораздо более затруднительно.

Нанося на миллиметровую бумагу какую-нибудь древнюю постройку, мы сравнительно редко имеем возможность сделать план от одного угла до другого. Гораздо чаще в одной и той же стене мы находим следы старых разрушений. Если бы мы взяли на себя задачу отобразить у себя на бумаге эти старые разрушения, разрушенную стену пришлось бы изображать однородно; громадное большинство стен пришлось бы разбить на куски в соответствии с сохранностью, в изображение величины этих кусков, в зависимости от сохранности, ввести массу условных знаков и только потом решиться наносить это на план. Через несколько лет, когда картина разрушений была бы иная, все условные знаки сохранности не имели бы никакого смысла.

При нанесении на план древней постройки всегда должна иметься в виду их научная реставрация. В этом весь смысл и назначение плана. А недостаточно точным изображением мы только отдалим возможность такой научной реставрации. План, вместо того, чтобы схематизировать действительность и отвлекать внимание наблюдателя от частных деталей, останавливая на главном, будет наоборот привлекать внимание к частностям в ущерб главному. Это, разумеется, не значит, что нужно избегать условных изображений, их трудно употреблять лишь там, где на съемочной стадии аналогия с другими постройками ничего не говорит о плане всего здания или его части. В противном случае всегда больше пользы приносит осторожная реставрация в согласии с другими наблюдениями и объяснение ее в описании постройки. Грюнведель, например, применял этот прием, даже не делая никаких примечаний к своим эскизам-рисункам.

Отсюда ясно, что перед нанесением на план древних построек в виде эскизов съемщик должен ознакомиться с типами строений, их назначением, способом постройки, степенью их сохранности в данном районе и т. д. Без этого съемка не будет иметь необходимой точности и уверенности.

Многим покажется странным масштаб эскизов 1 сажень в 1 см. Эта странность объясняется тем, что для общих планов, делаемых при посредстве кипрегеля, необходимо иметь эскизы в долях сажени, а для эскизов удобней всего брать графленую миллиметровую бумагу в виде отрывных листов с жесткими крышками, на которых можно чертить, не беря в поле доски.

Можно использовать и направление магнитного меридиана относительно самого строения. Направление магнитного меридиана относительно стен строения возможно указывать или графически на листах эскизов, или цифрой градусов. Для графического определения магнитного меридиана нужно выбрать какую-нибудь возможно более правильную и ровную площадку, приложить к этой площадке лист эскиза так, чтобы план здания на эскизе был параллелен самому

зданию, положить на эскиз горный компас⁴, установить стрелку по направлению NS компаса, и по краю компаса провести линию, параллельную стрелкам, что при горном компасе сделать просто и удобно. Для определения цифры градуса приложить к той же площадке край горного компаса и отсчитать число градусов, указывая северным концом стрелки. Горный компас удобнее употреблять со счетом в градусах от N до 360°. Цифру градусов ставить на плане у той стены, площадка рядом с которой была взята для определения. Недоразумение со взятой цифрой не может произойти, так как мы знаем ещё графическое направление магнитного меридиана.

Графический способ определения магнитного меридиана удобнее, но он менее точен и не допускает перенесения направления меридиана на общий план. Применяя и тот, и другой способы одновременно, мы получаем довольно точное направление меридиана на эскизах и без труда пользуемся числом градусов и переносим то же направление на общий план и получаем на доске общего плана направление данного здания относительно краев доски.

Наиболее часто приходится переносить на общий археологический план в беспорядке раскиданные здания на сравнительно небольшом пространстве, причем порядка не видно ни в расположении зданий, ни в их ориентировке. Большинство зданий очень мелки, более или менее сильно разрушены. Потолки и перекрытия сохранились лишь у небольшого числа зданий. В начале съемки необходимо избрать нужное количество опорных точек. Они должны удовлетворять следующим условиям:

- 1) они должны быть удобны для стояния на них с инструментом — мензула с кипрегелем;
- 2) с них должны быть хорошо видны все здания данного комплекса, т.е. их должно быть достаточное число, и расположены они должны быть для нанесения на план всех зданий комплекса;
- 3) расположение их должно быть удобно для нанесения на план засечками, т.е. все они должны быть видны одновременно.

<Конец текста М.М. Березовского.>⁵

⁴ Березовский пользовался инструментами, которые он ввел в работу одним из первых. «Горный компас» — то же самое, что и геологический компас. Он используется для определения направления или азимута падения и угла наклона. Березовский адекватно использовал компас, монтируя его на прямоугольной пластинке. На лимбе компаса деления идут от 0° до 360° в направлении против движения часовой или магнитной стрелки.

⁵ Текст в автографе М.М. Березовского не датирован, и мы полагаем, что ученый не завершил работу над статьей.

Summary

M.M. Berezovsky

On Some Topics of Archeological Survey in Chinese Turkestan

Published with foreword by M. I. Vorobyova-Desyatovskaya

This article of the eminent investigator of Central Asia Mikhail Mikhaylovich Berezovsky (1848–1912), which was not published till now, summarizes his experience of archeological expeditions in the oases of Eastern (Chinese) Turkestan — Turfan and Karashar, where he studied relics of the first millennium Buddhist civilization during the period of 1902–1908. The manuscript of the article (authograph by M.M. Berezovsky) is kept in the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences. There are no marks in the manuscript indicating the date of it and it can be reasonably concluded that it never was finished. The article is of much interest for history of Oriental studies in several aspects. Firstly, it shows safely level for antiquities in Turfan and Karashar till the beginning of the expeditions of M.M. Berezovsky in this region and problems met by him owing to geographical features of the territory. Secondly, in the article principles of archaeological study in Eastern Turkestan are formulated. And thirdly, it characterizes activity of M.M. Berezovsky as a geographer and archaeologist.

Key words: Buddhism, archaeology of Central Asia, Eastern Turkestan, Turfan, Karashar, M.M. Berezovsky as archaeologist.